

13. Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Шубин Г.В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 530 с.

14. Воропаева Н.Г. Англо-бурская война. Вооружённые силы Великобритании // Журнал «Сержант». 2005. № 31. С. 59–65.

15. Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. М.: Либрок, 2017. 334 с.

16. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. В 2 т. М.: Соцэкгиз, 1934. 679 с.

17. Сили Дж.Р. Британская империя. М.: Алгоритм, 2015. 272 с.

18. Bew P. Churchill and Ireland. Oxford: Oxford University Press, 2016. 215 p.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–78–20029).

ASYMMETRIC CONFLICTS IN THE BRITISH EMPIRE IN THE WRITINGS OF W. CHURCHILL

© 2019

Golosova Anna Aleksandrovna, master student of World History, Law and Methods of Teaching Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. This paper analyzes the materials of Winston Churchill of the first third of the XX century, dedicated to his participation in asymmetric military conflicts on the periphery of the British colonial empire. First, it allows us to consider the concept of asymmetric conflict in relation to the British army at the turn of the century and after the First World War. Secondly it allows us to analyze methods, forms and ways of waging war in the conditions of unequal power capabilities, which help to get to know the way of the colonial margins, which was formed by the British in the context of ongoing conflicts. The paper traces a clear chronology in accordance with the works of Winston Churchill: the Cuban War of Independence, the uprising of the Pashtun tribes in Malakand, the Mahdist uprising in Sudan, the second Anglo-Boer War, and the Irish War of Independence. Winston Churchill served in the British Army personally, at the same time he served as a war correspondent covering military events from the front line. Only the Irish War of Independence is knocked out of the chain of events. It was an asymmetric military conflict, perceived by W. Churchill from a completely different perspective: through the prism of political experience and from the height of his position of a Minister of Colonies. In the paper we conclude that the colonial era is the basis for the formation of the theoretical component of the asymmetric conflict concept.

Keywords: asymmetric conflict; Winston Churchill; British Empire; Great Britain; colonial conflicts; colonies; Malakand; Sudan; Boer War; Irish independence; IRA; colonial era; guerrilla war; David Lloyd George; local armed conflicts; British army; Irish question.

УДК 94 (73).092.2

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12232

Статья поступила в редакцию 05.01.2019

НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ПОЛИТИКА США В АФГАНИСТАНЕ И ИРАКЕ В 2001–2014 ГОДАХ

© 2019

Малкин Станислав Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Обращение с наследием европейских колониальных империй следует воспринимать как «недостающее измерение» в изучении истории внешней политики США в начале XXI в. Речь должна идти не только о сравнительно-историческом анализе, но и об изучении трансферов колониального опыта европейских держав, что способствует формированию более полной картины империализма как не только явления в истории международных отношений, но и определенного стиля мышления в эпоху деколонизации. При этом американский случай стал самым ярким примером рецепции колониального опыта европейских держав в политической практике 2000-х гг. Характерной особенностью экспертизы внешнеполитических решений в США являлась ее реализация в форме исторического моделирования асимметричных конфликтов – анализа перспектив политики Вашингтона в Афганистане и Ираке в широком контексте опыта глобальных колониальных империй. Не удивительно, что при работе с такого рода исследованиями необходима постоянная методологическая рефлексия, обусловленная не только их политической ангажированностью, но и ограничениями дисциплинарного характера. При этом особая роль в данном случае принадлежала представителям академического мира, профессионально изучавшим колониальный опыт европейских держав. Именно они составили наиболее серьезную конкуренцию представителям Пентагона с академическими степенями и аналитикам сотрудничающих с военными «фабрик мысли» в борьбе за доминирование собственного экспертного мнения в рамках дискурса об историческом моделировании асимметричных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке. Именно об этом аспекте академической экспертизы политики США в Ираке и Афганистане в 2001–2014 гг. и пойдет речь в настоящей статье.

Ключевые слова: империя; империализм; колониальное знание; постколониальная эпоха; академическая экспертиза; историческое моделирование; асимметричный конфликт; малые войны; антиповстанчество; «фабрики мысли»; США; Великобритания; Афганистан; Ирак; Ближний и Средний Восток; «антиповстанческое лобби».

Нормализация дискуссий о внешней политике США в терминах империи и империализма началась еще до вторжения американских войск и их союзников в Афганистан и Ирак в начале 2000-х гг. При этом следует подчеркнуть, что речь идет, в том числе, о феномене масштабного вовлечения представителей академического сообщества в актуальную общественно-политическую дискуссию (хотя справедливости ради стоит отметить, что это далеко не первый в американской истории призыв ученых к политическому участию – достаточно вспомнить советологию и региональные исследования эпохи холодной войны) [1–5]. В этой связи необходимо иметь в виду разницу между империализмом как политикой определенного рода и империей как формой государственного устройства, поскольку существует постоянная угроза стремительного перерождения академического спора об особенностях колониальной политики в прошлом в публичную и весьма ангажированную полемику по поводу наследия империй в наши дни.

Соответственно, значение профессиональных исторических исследований на этом поле будет только возрастать, в том числе по причинам не академического свойства. Достаточно вспомнить, что на недавних процессах в Высоком суде Лондона по делам о жестоком обращении с малайцами и кенийцами во время чрезвычайного положения в Малайе и Кении в 1950-е гг., выступали профессиональные историки, получившие в рамках этих слушаний доступ к якобы случайно обнаруженному в 2012 г. архиву Министерства по делам колоний Великобритании в Хэнслоу-Парке – правительство было вынуждено «допустить вероятность» его существования в связи с этими скандальными судебными процессами [6]. Для сравнения отметим, что схожим образом претерпела трансформацию профессиональных функций, приобретая характер академической дисциплины, способной к актуальной политической экспертизе, историческая наука во Франции в связи с табуированной вплоть до начала 1990-х гг. темой колониальной, по сути, войны в Алжире в 1954–1962 гг.

При этом академический дискурс как составная часть экспертного дискурса в Великобритании и США в значительной степени существует в пространстве между историографией и мифотворчеством – историографические дискуссии о (ре)мифологизации европейского колониального опыта в англо-американском экспертном сообществе на фоне военных кампаний в Ираке и Афганистане оказались достаточно оживленными [7–13]. Вторжение профессиональных военных, политологов, журналистов, аналитиков из «фабрик мысли» и специалистов в области международных отношений (как из академического мира, так и мира политики) на поле профессиональных исторических исследований (анализ политики Великобритании и США на Ближнем и Среднем Востоке в контексте европейского колониального опыта) только усилило эту тенденцию.

Разумеется, существует заметная разница между профессиональными научными исследованиями и работами, обслуживающими интересы и нужды различных политических групп. Однако в данном случае эти сочинения, взятые вместе, представляют собой весьма продуктивный объект для изучения взаимодействия экспертного сообщества и политической власти в США в контексте военных кампаний американцев и их союзников на Ближнем и Среднем Во-

стоке в 2001–2014 гг. Такие уже принятые в экспертной среде понятия, как «COIN Community» и «COIN Lobby», употребляемые порой как синонимы для обозначения небольшой, но весьма активной в публичном пространстве и сплоченной группы действующих и отставных военных (как правило, с академическими степенями), экспертов «фабрик мысли», журналистов и профессиональных ученых, имеющих общие взгляды на решение проблемы повстанчества в Ираке и Афганистане, наглядно отражают эту тенденцию [14].

Эта весьма своеобразная группа давления (ее социально-профессиональный профиль представляет собой предмет отдельного разговора) достаточно громко заявила о себе в медийном и политическом пространстве в середине – второй половине 2000-х гг., обеспечив в глазах широкой общественности и первых лиц в Вашингтоне экспертную легитимацию «большой волны» (существенного увеличения воинского контингента США сначала в Ираке, а затем и в Афганистане), а ее главный интеллектуальный продукт (результат обсуждения на серии конференций и в составе специальных рабочих групп) – новый полевой устав армии и морской пехоты США «FM 3–24» (2006 г.) – получил широкую известность далеко за пределами военных кругов, став настоящим бестселлером 2007 г. в США (только количество скачиваний открыто распространявшейся электронной версии устава перевалило за 1,5 млн, не говоря уже о высоких тиражах его печатного варианта) [15].

В этой связи любопытно отметить, что на фоне стремительного расширения военного присутствия США в Афганистане и Ираке в 2001–2003 гг. контрпартизанская борьба в контексте колониального опыта европейских держав была изначально проблематизирована представителями «COIN Community». Однако именно не ангажированные этой группой давления эксперты от академии предприняли попытку предметно, с соблюдением профессиональных стандартов (при всей разнице подходов историков и международных экспертов к методологии изучения одного и того же вопроса) оценить практические возможности обращения к наследию колониальных империй в области стратегии и тактики антиповстанчества.

Учитывая несостоятельность стратегии «большой волны» в долгосрочной перспективе (обстановка в Ираке и Афганистане по-прежнему далека от стабильной) на фоне устойчивого интереса Вашингтона к сохранению своего военно-политического присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, концептуализация альтернативных способов организации контрпартизанской борьбы сохраняет свое значение для служб, которые за нее отвечают. Обращение к работам экспертов из академического мира, сотрудничавших в этом качестве с военными ведомствами Великобритании и США в 2001–2014 гг., но за рамками «COIN Lobby» (то есть скорее в качестве приглашенных экспертов, чем их доверенных представителей среди экспертного сообщества), позволит не только провести более четкую грань между символическим и инструментальным знанием внутри и за пределами этой группы давления, но и составить более ясное представление об особенностях исторического моделирования асимметричных конфликтов в постколониальную эпоху – о перспективах военных кампаний США на Ближнем и Среднем Востоке в начале XXI в. в контексте опыта глобальных колониальных империй.

В ряду экспертов, представляющих в современных дискуссиях по поводу применимости колониального опыта к политике США в «третьем мире» академический мир и при этом не входящих в «COIN Community», в основном – профессиональные историки и специалисты в области международных отношений. Причем первых заметно больше, чем вторых, когда речь идет о наследии империй в практической плоскости – применимости Вашингтоном колониального опыта европейских держав в Ираке и Афганистане в начале XXI в. При этом следует иметь в виду, что многие из тех, кого мы условно относим к историческому цеху (имея в виду ракурс исследований в рамках указанной темы), защитили диссертации в достаточно специфической области военных и стратегических исследований, исследований в сфере безопасности, мировой политики и международных отношений («War Studies», «Strategic Studies», «Security Studies», «International Politics» и «International Relations» в номенклатуре профилей академической подготовки в странах англосаксонского мира).

Круг этих экспертов от академии за пределами «COIN Community» достаточно узок (чуть больше дюжины), однако не менее сплочен и достаточно влиятелен в деле формирования повестки дня как в академической среде, так и в мире политики по обе стороны Атлантики, особенно на фоне несостоятельности интеллектуальных инвестиций в стратегию «большой волны» во второй половине 2000-х гг. с точки зрения краткосрочного характера стабилизации военно-политической ситуации в Ираке и Афганистане.

Во-первых, большая часть этих профессиональных комментаторов колониальной истории европейских держав в свете американского и британского опыта военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке в первые десятилетия XXI в. (Хью Беннет, Род Торнтон, Мэтью Хьюес, Герайнт Хьюес, Джон Феррис, Кристиан Триподи, Дэвид Юко и М.Л.Р. Смит) получила квалификацию доктора наук и академическое признание как раз в области стратегических и военных исследований, а также исследований в сфере безопасности. При этом семинары, конференции и рабочие группы с их участием в рамках данной тематики, инициированные или организованные при участии различных ведомств Министерств обороны Великобритании и США, способствовали установлению академических и неформальных контактов в той же степени, что и аналогичные мероприятия (посвященные обсуждению нового полевого устава FM 3–24) с участием представителей «COIN Lobby».

Во-вторых, все упомянутые выше эксперты во время дискуссий по поводу (и в форме) исторического моделирования асимметричных конфликтов между 2001 и 2014 гг. на протяжении того или иного времени входили в штат Отдела оборонных исследований Королевского колледжа при Университете Лондона, аффилированного (речь идет об Отделе) с Командно-штабным колледжем объединенных служб Академии обороны Великобритании, занимаясь исследованиями под эгидой обоих этих ведомств (несмотря на традиционный комментарий к их статьям о том, что Министерство обороны не несет ответственности за суждения автора).

Однако британской королевской армией это военно-академическое сотрудничество не ограничива-

ется. Вот наиболее часто упоминаемые учреждения в ведении Пентагона, Министерства обороны Великобритании, Государственного департамента США и сотрудничающие с ними «фабрики мысли», в той или иной форме прибегающие к услугам экспертов от академии за пределами «COIN Lobby», разрабатывающих проблематику актуального наследия империй в политике США в странах третьего мира: Институт стратегических исследований (Военный колледж армии США), Командно-штабной колледж армии США (Форт Левенворт), Университет корпуса морской пехоты США (Куантико), Институт национальных стратегических исследований (Университет национальной обороны, Вашингтон), Королевская военная академия (Великобритания, Сэндхерст), Командно-штабной колледж объединенных служб Академии обороны (Великобритания, Шривенхэм), Группа сбора разведанных (Министерство обороны Великобритании, Уайтон), Британский военный центр доктрины, концептов и развития (Министерство обороны Великобритании), Корпорация РЭНД (США), Международный институт стратегических исследований (Великобритания и США).

В-третьих, представители именно этой части англо-американского экспертного сообщества в 2001–2014 гг. во многом определяли границы и формат дискуссий о роли колониального опыта европейских держав для политики США и их союзников в Ираке и Афганистане, а также круг их участников (вне зависимости от того, насколько их выбор был ангажированным), контролируя эту часть дискурсивного поля (общего пространства стратегического дискурса в Великобритании и США) благодаря руководству редакционными советами ведущих аналитических журналов в этом вопросе и/или членству в их составе («Малые войны и повстанчества», «Оборонные исследования» и «Журнал стратегических исследований»). Не удивительно, что, например, материалы наиболее громких конференций, посвященных применимости колониального опыта европейских держав в политике США в Афганистане и Ираке после 2001 г., были опубликованы в виде специальных выпусков на страницах именно этих изданий: доклады на конференции в Королевском институте объединенных служб Министерства обороны Великобритании (совместно с Кингстонским университетом) в 2007 г. опубликованы в специальном выпуске «Журнала стратегических исследований» («"Сердца и умы"? Британское антиповстанчество от Малайи до Ирака», 2009 г.); доклады конференции в Брунельском университете (совместно с Институтом исторических исследований Великобритании и Университетом Корпуса морской пехоты США) в 2011 г. опубликованы в специальном выпуске журнала «Малые войны и повстанчества» («Британские пути антиповстанчества: историческая перспектива», 2012 г.); доклады конференции в Национальном музее армии Великобритании в 2013 г. также опубликованы в специальном выпуске журнала «Малые войны и повстанчества» («Происхождение малых войн: от специальных операций до идеологического повстанчества», 2014 г.).

Таким образом, попытки «бумажных пророков» с научными степенями примирить реалии антиповстанческих операций с теорией и практикой контрпартизанской борьбы, разработанной и апробированной европейскими державами в колониальных войнах (включая усилия по поддержанию порядка в

империях и их сохранению), являются характерной приметой экспертных дискуссий в США в начале XXI в. Колониальный опыт активно обсуждался в 2000-е гг. как исторический пример, из которого можно извлечь уроки для будущего (позитивные, негативные или невоспроизводимые).

Следовательно, особое внимание необходимо обратить на особенности их взаимодействия в качестве экспертов от академии (формы полемики, порядок цитирования), выбор площадок для выражения своей позиции, взаимовлияние, степень близости к властным структурам, проработанность проблемы – масштабы и характер (само)критики на фоне последствий «большой волны» в краткосрочной (снижение уровня насилия в Ираке в 2007–2008 гг. и Афганистане в 2010–2011 гг.) и более отдаленной (разгул международного терроризма на Ближнем Востоке в 2014–2017 гг.) перспективе.

Основными институциональными формами содержательных публичных дискуссий на тему наследия европейских колониальных империй в практической плоскости («уроки истории») – часто по поводу идейного наполнения нового полевого устава FM 3–24 – в начале XXI в., во время активизации политики США в Афганистане и Ираке, стали статьи в профессиональных специализированных академических и военных журналах; популярных и респектабельных изданиях общественно-политического характера; доклады «фабрик мысли» в Великобритании и США.

При этом совершенно особая роль в этом деле принадлежит специализирующемуся на выпуске академической литературы весьма авторитетному британскому издательскому дому «Routledge» (с 1998 г. функционирует как филиал международного издательства «Taylor & Francis Group»), выпускающему 42 журнала по профилю данных исследований (проблемы внутренней и внешней безопасности, антитеррористическая деятельность, гражданские войны, повстанчество и контрпартизанская борьба) и многочисленную несерийную литературу той же тематики – настоящая фабрика по производству идей и смыслов в области актуальной политики (основной дискуссионной площадкой под эгидой издательства в данном случае является выпускаемый с 1990 г. журнал «Малые войны и повстанчества», на страницах которого проблематика колониального наследия в политике ведущих держав в «третьем мире» активно разрабатывалась на фоне военного присутствия США в Афганистане и Ираке в 2000-е гг.).

Все это позволяет рассматривать, прежде всего, журнальные публикации именно этого издательского дома как совокупность тематических текстов, объединенных собственной внутренней логикой мощной историографической рефлексии по поводу актуальной внешней политики США, в Афганистане и Ираке в особенности. Более того, если для «COIN Lobby» основными дискуссионными площадками в 2000-е гг. были, прежде всего, различные СМИ и «фабрики мысли», то за пределами этой группы давления академическая экспертиза наиболее полно проявила себя на страницах профессиональных академических изданий (в том числе выпускаемых под эгидой Министерств обороны Великобритании и США).

Между тем феномен обращения к прошлому в поисках универсального рецепта «операций стабилизации» в странах третьего мира (эффективной организации контрпартизанской борьбы) уже стал, как

указано, предметом бурной историографической рефлексии. Значительно меньше внимания уделяется его содержательной стороне – пределам аналитических возможностей исторического моделирования асимметричных конфликтов (прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке). Какие слагаемые европейского колониального опыта актуализируются в рамках данного дискурса? Какой исторический опыт игнорируется? Какая теоретическая аргументация была предложена участниками этих дискуссий? Какое значение имела их профессиональная и дисциплинарная принадлежность и самоидентификация?

В этой связи исследования последнего времени отражают тесную связь между властью метрополии и колониальным знанием через особую аналитическую призму – роль армии, полиции и разведки как колониальных институтов империи в умиротворении и (идеальный результат) социально-экономической модернизации и политической трансформации зависимых территорий [16–22]. В работах, затрагивающих проблему рецепции колониального опыта в Великобритании и США в начале XXI в., речь идет, по сути, о превращениях и функциях этой компоненты колониального знания в постколониальную эпоху. Усилия метрополий по поддержанию порядка в колониях многими рассматриваются в качестве прообраза применения вооруженных сил в борьбе с инсургентами – идет ли речь о национально-освободительном движении в колониальных империях, усилиях повстанцев в странах третьего мира в годы холодной войны или о глобальном военном присутствии современных держав.

На методологическом уровне речь идет о новом измерении роли силовых структур в изучении политики империй в странах третьего мира – на стыке истории колониального знания и «новой имперской истории», исторической науки и политологии (при этом англосаксонская модель представляет в данном случае особый исследовательский интерес, так как является наиболее цельной с точки зрения рецепции колониального опыта европейских держав в постколониальную эпоху). Едва ли не самым наглядным свидетельством этой тенденции является взаимное проникновение терминологии и набора обсуждаемых тем из области исследований по проблемам безопасности в сферу исторической науки, и верно обратное. Характерными чертами этого процесса являются тематические конференции и публикации в ведущих журналах по проблемам стратегии и безопасности, в которых анализируются исторические прецеденты (с точки зрения авторов статей) современных форм и способов контрпартизанской борьбы, как, например, в тематических выпусках самых известных и статусных периодических изданий этого рода, многие статьи в которых касаются колониального опыта европейских держав (показателен сам язык некоторых из этих работ: «историческое антиповстанчество», «стратегическая история», «исторические малые войны»).

В этом смысле изучение наследия колониальных империй в политике США в странах третьего мира требует постоянной методологической рефлексии. Тенденции и современный уровень взаимодействия академических дисциплин, в рамках которых шла наиболее предметная дискуссия о перспективах применения колониального опыта в политике Лондона и Вашингтона в Ираке и Афганистане в 2001–2014 гг., позволяют предполагать, что значение историческо-

го моделирования асимметричных конфликтов в академических и, шире, экспертных и военно-политических кругах не теряет своей актуальности. В обзорном введении к специальному выпуску журнала «Малые войны и повстанчества», посвященному практическим итогам осмысления контрпартизанской борьбы в Ираке и Афганистане в 2000-е гг., Пол Рич небезосновательно заметил, что в будущих конфликтах опыт дебатов по этому поводу (их идейно-практическое наследие) может иметь серьезное значение в области дальнейшего развития стратегического и военного мышления на протяжении еще довольно долгого времени, имея в виду актуальность угроз, о противостоянии которым эксперты говорили и писали тогда применительно к ситуации на Ближнем и Среднем Востоке [3, p. 31–32].

Следовательно, всесторонний учет слабо или вовсе не аргументированных допущений, которые вольно (когда речь идет о политической ангажированности) или невольно (когда подразумевается влияние методологических ограничений) расставляют на этом поле исследований авторы написанных в таком ключе работ (помимо выводов, доказательно подкрепленных в соответствии с принятыми академическими стандартами), имеет большое значение для анализа различных проявлений процесса принятия решений в странах с высокой степенью включенности представителей академического мира в актуальные общественно-политические дискуссии. В том случае, когда речь идет о роли колониального наследия европейских империй, необходимо отдавать себе отчет не только в том, каким языком, в каких терминах описывается этот феномен, имея в виду влияние политической и профессиональной среды на суждения и выводы экспертов.

Следует помнить и об обратной стороне этого процесса – роли самих экспертов (экспертного – в том числе академического – знания) в принятии решений относительно политики Великобритании и США на Ближнем и Среднем Востоке в начале XXI в. Важно уточнять, кто именно и в каких именно рамках воспринимает того или иного комментатора как подходящего по случаю эксперта. Несмотря на сотрудничество с военными образовательными и исследовательскими учреждениями Великобритании и США и заметное влияние на академический дискурс, связанный с проблемой организации контрпартизанской борьбы в Ираке и Афганистане в 2000-е гг. в свете европейского колониального опыта, эксперты из мира академии так и не смогли приобрести заметное влияние на принятие решений относительно выбора стратегии на Ближнем и Среднем Востоке. И это обстоятельство вновь свидетельствует о том, что статус эксперта в академической и политической среде совпадает далеко не всегда – в этом смысле академическая экспертиза политики Великобритании и США в Афганистане и Ираке в 2001–2011 гг. не стала исключением из этого правила.

Список литературы:

1. Gilman N. *Mandarins of the Future: modernization theory in Cold War America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003. 344 p.
2. Heir A., Robinson N. *State-Building: Theory and Practice*. London: Routledge, 2007. 220 p.
3. *From Nation-Building to State-Building* / Ed. by M.T. Berger. London–New York: Routledge, 2008. 211 p.

4. Simpson B. *Economists with Guns: authoritarian development and U.S.-Indonesian relations, 1960–1968*. Stanford: Stanford University Press, 2008. 376 p.

5. Kuzmarov J. *Modernizing Repression: Police Training, Political Violence, and Nation-Building in the American Century* // *Diplomatic History*. 2009. № 33 (2). P. 191–222.

6. Badger A. *Historians, a legacy of suspicion and the «migrated archives»* // *Small Wars & Insurgencies*. 2012. Vol. 23, № 4–5. P. 799–807.

7. Mumford A. *The Counter-Insurgency Myth: The British Experience of Irregular Warfare*. London: Routledge, 2012. 216 p.

8. Rich P.B. *A historical overview of US counter-insurgency* // *Small Wars & Insurgencies*. 2014. Vol. 25, № 1. P. 5–40.

9. Ucko D.H. *Critics gone wild: Counterinsurgency as the root of all evil* // *Small Wars & Insurgencies*. 2014. Vol. 25, № 1. P. 161–179.

10. Reis B.C. *The Myth of British Minimum Force in Counterinsurgency Campaigns during Decolonisation (1945–1970)* // *Journal of Strategic Studies*. 2011. Vol. 34, № 2. P. 245–279.

11. Porch D. *The dangerous myths and dubious promise of COIN* // *Small Wars & Insurgencies*. 2011. Vol. 22, № 2. P. 239–257.

12. Mockaitis T.R. *The minimum force debate: contemporary sensibilities meet imperial practice* // *Small Wars & Insurgencies*. 2012. Vol. 23, № 4–5. P. 762–780.

13. Jones D.M., Smith M.L.R. *Myth and the small war tradition: Reassessing the discourse of British counter-insurgency* // *Small Wars & Insurgencies*. 2013. Vol. 24, № 3. P. 436–464.

14. Michaels J.H., Ford M. *Bandwagonistas: rhetorical redescription, strategic choice and the politics of counter-insurgency* // *Small Wars & Insurgencies*. 2014. Vol. 22, № 2. P. 352–384.

15. *Field Manual, Marine Corps Warfighting Publication 3–33.5* // *Counterinsurgency*. United States Army Headquarters and United States Marine Corps Combat Development Command. Washington, DC, 15 December 2006.

16. Hevia J. *The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 304 p.

17. O'Cadhla S. *Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation*. Dublin-Portland: Irish academic Press, 2007. 280 p.

18. Plank G. *An Unsettled Conquest: The British Campaign against the Peoples of Acadia*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 239 p.

19. Plank G. *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. 259 p.

20. French D. *Army, Empire and Cold War: The British Army and Military Policy, 1945–71*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 346 p.

21. Thomas M. *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 2008. 428 p.

22. Walton C. *Empire of Secrets: British Intelligence, the Cold War and the Twilight of Empire*. London: Harper Press, 2013. 448 p.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–78–20029).

LEGACY OF EMPIRES: ACADEMIC EXPERTISE AND USA POLICY IN AFGHANISTAN AND IRAQ IN 2001–2014

© 2019

Malkin Stanislav Gennadyevich, doctor of historical sciences, associate professor,
head of World History, Law and Methods of Teaching Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The heritage of the European colonial empires should be perceived as «missing dimension» while studying the history of the USA foreign policy at the beginning of the XXI century. The comparative-historical analysis as well as transfers of colonial experience of the European powers should be discussed. It promotes making a fuller picture of imperialism as a phenomenon in the history of international relations as well as a certain style of thinking during a decolonization era. At the same time the American case became the most striking example of reception of the European powers colonial experience in political practice of the 2000th. The main characteristic feature of the USA foreign policy decisions examination was its realization in the form of historical modeling of the asymmetric conflicts – the analysis of Washington policy prospects in Afghanistan and Iraq in a wide context of experience of global colonial empires. While working with such researches a constant methodological reflection caused by their political involvement as well as restrictions of disciplinary character is necessary. At the same time a special role in this case belonged to the academic world representatives who professionally studied colonial experience of the European. It is them who were the most serious competitors to the Pentagon representatives with academic degrees as well as to «think tanks» analysts who cooperated with the military in fight for their own expert opinion domination about historical modeling of the asymmetric conflicts in the Middle East. It is this aspect of the academic examination of the USA policy in Iraq and Afghanistan in 2001–2014 that the following paper deals with.

Keywords: empire; imperialism; colonial knowledge; postcolonial age; academic expertise; historical modeling; asymmetric conflict; small wars; counterinsurgency; «think tanks»; USA; Great Britain; Afghanistan; Iraq; Near and Middle East; «COIN Lobby».

УДК 930.2

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12233

Статья поступила в редакцию 14.12.2018

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД К ПОЗНАНИЮ ИСТОРИИ БЕЗНАДЕЖНО УСТАРЕЛ? ИЛИ... (РАССУЖДЕНИЯ – ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

© 2019

Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии
Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
(г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В настоящей статье автор предпринял попытку раскрытия (в дискуссионном ключе) некоторых аспектов столь сложной и многоаспектной проблемы, как классовый подход к оценке событий и явлений в качестве одного из подходов к познанию истории. Стиль изложения – лапидарный, с элементами конспективности. Рассмотрены фундаментальные постулаты марксистско-ленинской концепции классового подхода к оценке событий и явлений в качестве одного из подходов к познанию истории. Причем, акцент сделан здесь именно на ленинское понимание методологического феномена, указанного выше, и его развитие идеологами правившей в Советском государстве коммунистической партии. Прослеживается развитие исследуемой концепции в советской исторической науке. При этом подчеркивается, что здесь допускались элементы эклектики, когда ученые путали понятия «принципы исторического исследования» и «подходы к познанию истории». Освещается, как в постсоветской и современной историографии трактуется проблема классового подхода к оценке событий и явлений в качестве одного из подходов к познанию истории. Автор обосновывается, что данный подход сегодня в исторической науке не устарел безнадежно, как считают многие представители так называемой либеральной исторической школы (с В.О. Ключевским прошу не путать), а продолжает функционировать. Правда, изменив формы проявления, и несколько отойдя на задний план.

Ключевые слова: классовый подход; К. Маркс; Ф. Энгельс; В.И. Ленин; советская историческая наука; марксизм-ленинизм; социальный подход; игра дефиниций.

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», – К. Маркс [1, т. 28, с. 7].

Мысль выдающегося немецкого мыслителя К. Маркса, приведенная выше в качестве эпиграфа, во многом выражает суть материалистического понимания истории. Того самого понимания, вокруг которого в 1990-е годы развернулась, скорее всего, даже не академическая дискуссия, а жестокая полемика, принявшая порою характер зубодробительной. Это во

многом детерминировалось тем, что, во-первых, в нашей стране произошла смена цивилизационной парадигмы, что привело к переоценке ценностей, и марксизм (особенно большевистское измерение – ленинизм) попал под огонь политизированной, часто уничижительной критики; во-вторых, кризисом исторической науки [2, с. 21–36; 3, с. 95–101; 4, с. 635–642]. По словам выдающегося отечественного методолога исторической науки Б.Г. Могильницкого сложилось такое состояние науки, когда «старая пара-